

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ: Москва, Моховая, 4-й дом Советов,
кв. 40. Телеф. 4-27-86 и 3-93-36.

КОНТОРА: Москва, Рождественна, д. 9. Тел. 1-11-64
и 1-20-85

№ 10.

9 марта 1922 года.

№ 10.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: „Пора перестроиться по-боевому“—*Лисицын*. „Нотариальное засвидетельствование договоров и пределы его обязательности“—*Брагинский*. „Организация труда для осужденных“—*Аннов*. „Крестьянские разделы“—*Щетинин*. „Ответственность за поправы“—*Козлов*. „Обзор советского законодательства за время с 12 по 18 февраля 1922 г.“—*Аронович*. Суд и жизнь: „Надо подтянуться“—*Ростовский*. „Из судебно-медицинской практики“—*Л*. Из деятельности Наркомюста: Проект декрета о наследовании.— Практика Высшего Судебного Контроля. Хроника.—Официальная часть.

Пора перестроиться по-боевому.

На страницах «Еженедельника» (см. № 9, статья тов. Бранденбургского) был принципиально освещен общий вопрос о задачах советской юстиции в связи с новой экономической политикой, выводы которой сводятся к необходимости перестроиться по-боевому.

В настоящей статье я хотел бы остановиться на роли в выполнении этой боевой задачи нашего народного судьи.

9-й Съезд Советов потребовал от Наркомюста большей энергии в двух отношениях:

«во-первых, чтобы народные суды республики от неуклонного соблюдения законов республиканцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики и воспитывая широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности; во-вторых, чтобы народные суды обратили больше внимания на судебное преследование бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности. Процессы по делам такого рода необходимы и для повышения ответственности за зло, с которым так трудно бороться при наших условиях, и для привлечения внимания рабочих и крестьянских масс к этому важнейшему вопросу, и для достижения практической цели—больших хозяйственных успехов».

В этих кратких словах заключается целая программа деятельности советской юстиции, определение ее роли, как органа живого и боевого, и характера работы.

Что мы привыкли понимать под названием суда? И насколько наши привычные, под влиянием старых представлений, определения судебной работы сходятся с директивами, преподанными высшим государственным органом республики.

Откровенно говоря, мы еще не совлекли с себя ветхих одежд и до сих пор не мыслим суда иначе, как он был построен в уничтоженном буржуазном государственном аппарате. Там судья—профессионал, юрист; у нас судья—революционер, проводник новых начал пролетарского права.

В буржуазном государстве хищнические и эксплуататорские стремления отдельной личности и класса буржуазии в целом служили основой государственного правопорядка, ибо какой чиновник смог бы так свирепо защищать этот собственный правопорядок, чем сам многоликий собственник, способный зубами перегрызть горло, помимо услуг полицейско-бюрократической машины, всякому покушителю на его священные права.

В рабоче-крестьянском государстве центробежные силы буржуазной стихии рвут со всех сторон коллективную собственность, попирают нагло элементарные обязанности гражданина к советской республике и беспощаднее, нежели в непосредственной схватке во время гражданской войны, атакуют наше государство.

Совершенно правильна и ясна мысль, главенствующая в резолюции 9-го Съезда Советов: все органы, проводящие диктатуру пролетариата, в том числе и народный суд, только тогда выполняют свой революционный долг, когда будут

защищать наше хозяйство, наш коллектив так же, как защищала буржуазия индивидуальную ответственность.

Можно ли сказать, что в капиталистических предприятиях отдельный служащий посмет бы не выполнить воли верховной власти—капитала и не вертеть со всей силой того большого или маленького колеса, у которого его поставили? Нет,—волокита и бюрократизм у купца, фабриканта и т. д. по неписанным их законам были такими преступлениями, за которые виновники просто выбрасывались за борт. Другое дело в государственных органах. Там волокита была вполне нормальным и естественным явлением, когда она была выгодна тому же самому капиталу. Да и самый бюрократический аппарат со всеми его отрицательными свойствами иначе по своей сущности и не мог работать, как равнодушно относясь к интересам большинства населения—рабочих и крестьян, столкновения которых с господствующими классами приходилось так или иначе разбирать этой бюрократии.

Кто заменит в переходный от государственного капитализма к коммунизму период многоликого хозяина, кто должен противопоставить себя, как коллектив, хищническим покушениям возрождающейся буржуазии, а также нашей собственной азиатчине, безхозяйственности, безответственности, волоките, бюрократизму и т. д.

Может ли спокойно проходить мимо этих отрицательных явлений каждый сознательный советский работник, надеясь, что как-нибудь обрзается кто-то сделает за него то, что он мог бы сделать сам.

С этой стороны значение народного судьи, как сурового государственника, должно и может быть поднято на недосягаемую высоту.

Сделали ли мы и сделаем ли хотя бы первые попытки, чтобы осуществить то, что предписывает 9-й Съезд Советов. Имеем ли мы волю к победе и сможем ли победить.

Я думаю, что даже в существующих объективных условиях органы юстиции и, в первую очередь, народные суды смогут в значительной степени выполнить директивы 9-го Съезда, если только каждый народный судья проникнется главной мыслью—на все смотреть хозяйским взглядом и опираясь на судейскую власть тянуть к ответу всякого, кто без хозяйской палки не может и не хочет работать.

Мне скажут: «но для этих целей учреждается новый орган—прокуратура, а суд должен заниматься своей работой—судить». Я думаю, что с учреждением прокуратуры инициатива народного судьи должна усилиться, а не наоборот. Если до этого судья, сталкиваясь с преступными явлениями, которые выходили за границы его компетенции и сил, вынужден был пасовать, то теперь его инициатива никогда не упрется в пустоту, ибо в любой момент он может передать начатое им дело прокурорскому надзору для продолжения.

Есть непочатая область работы, где инициатива судьи может развернуться со всей энергией.

Любое мероприятие центральной и местной власти, любое обязательное постановление оканчивается предупреждением о привлечении к суду. Но когда начинается действительная энергичная борьба с нарушителями, то вследствие несогласованности действий административных органов с судебными и, наконец, вследствие инертности последних, привыкших к медлительным формам работы, машина гремит вхолостую.

Мне вспоминается, как в московский совнарсуд поступили сотни протоколов, составленные РКИ на торговцев за продажу нормированных продуктов (это было в начале 1920 года, когда Московский Совет разрешил торговлю ненормированными товарами). Но к сожалению, все эти протоколы постигла печальная участь—пойти в архив, ибо спустя несколько месяцев после составления протоколов уже нецелесообразно было возбуждать судебные дела (к тому времени большинство торговцев прекратило свою торговлю).

Возьмем для примера декрет СНК об ответственности за сохранность жилищ, по которому на народный суд возлагается обязанность разрешать все такие дела в течение 7-ми дней. В Москве во время топливного кризиса население сняло для устройства печек водосточные трубы почти со всех домов. Теперь положение с топливом не так остро; во многих домах действует центральное отопление... Но вернутся ли трубы на свои места? Очевидно, без административного воздействия здесь не обойдешься.

Таких примеров можно привести десятки: массовая борьба с торговцами, нарушающими правила торговли, санитарные требования, борьба с фальсификацией продуктов и, в особенности, со страшным бичем детей—фальсификацией молока, по охране труда, по проверке целостности и сохранности государственного имущества (безхозяйственностью) и т. п.

Народные судья не может сам ловить всех этих нарушителей (хотя это не вредно, если хватит энергии), но он должен подталкивать в своем районе органы милиции, здравоохранения, РКИ и профсоюзы к проведению целых компаний по тому или иному злободневному явлению жизни и согласовать работу суда с их деятельностью так, чтобы зубцы их аппаратов были сцеплены с зубцами аппарата судебного.

Суд, как метод агитационного воздействия, имеет колоссальное значение, и часто один приговор суда влечет за собой исполнение законов со стороны остальных не привлеченных к суду правонарушителей.

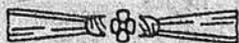
Наконец, в одной категории судебных дел никакой инициативы судебные органы не проявляли, несмотря на категорические требования резолюции 9-го Всероссийского Съезда Советов. Это борьба с волокитой и бюрократизмом. Разбор самого понятия волокиты и бюрократизма, как уголовно-наказуемых преступлений, требует серьезного освещения, но необходимо принять за основу обязательное для судов предписание 9-го Съезда, не вдаваясь в юридический анализ. Какова же может быть борьба народных судов с этим явлением. Меня оскорбляют так, что я не могу реагировать иначе, как путем гласного судебного раз-

бора этого факта; я иду в народный суд, который вызывает обидчика и производит судебное рассмотрение, и часто один факт вызова виновного является достаточной гарантией для предупреждения повторения обиды. Дела эти возникают во множестве, помимо какого-либо участия государственных органов. Если такой же метод народный суд применит и к делам о волоките и бюрократизме, т. е., предоставит каждому гражданину заявить жало-

бу на советского чиновника и доказывать допущенные волокиту или бюрократизм, то уже один факт вызова обвиняемого даст суду возможность выяснить физиономию учреждения и пролить свет на причины волокиты.

Весьма возможно, что на практике встретятся значительные затруднения, но в новом деле без ошибки не обойтись. К исполнению же резолюции 9-го Съезда нужно, наконец, приступить.

А. Лисицын.

Нотариальное засвидетельствование договоров и пределы его обязательности.

Пункт 4-й тезисов, представленных 4-му съезду деятелей юстиции докладчиком по нотариату, гласил: «регистрация совершаемых от имени государства договоров с частными лицами и их объединениями, а равно с государственными предприятиями, переведенными на начала хозяйственного расчета, на сумму свыше 1000 довоенных рублей должна быть общеобязательной». Съезд, принявший все тезисы доклада без изменения, нашел необходимым переработать приведенный п. 4 в смысле распространения обязательной регистрации на все сделки и договоры государственных учреждений и предприятий между собой и с частными лицами. Ни одного голоса не раздалось на съезде против установления такой обязательности; между тем как эта обязательность в отношении договоров между частными лицами и объединениями признана необходимой лишь в случаях, специальными законами оговоренных. Естественно, возникает вопрос, есть ли какая-либо необходимость в предъявлении больших требований к договорам, заключаемым государственными учреждениями и предприятиями, чем к договорам частных лиц; не есть ли это излишнее стеснение для предприятий государственных; не является ли это требование актом недоверия в отношении государственных органов, вступающих в договорные отношения как взаимно между собою, так и с другими участниками гражданского оборота. На наш взгляд, это требование логически вытекает из всей совокупности объективных условий современной экономической жизни и положения в ней государственных учреждений и предприятий, находит свое обоснование в действующем законодательстве и оправдывается всей практикой по этому вопросу на местах.

Как известно, официально даны были следующие определения как новой, так и новейшей экономической политике: новая политика—это переход от государственной монополии на хлеб с продрозверсткой к продиалогу и товарообмену; «новейшая»—переход от государственного капитализма к государственному регулированию и контролю над промышленностью и торговлей. Причина последнего перехода—неудавшийся товарообмен и выдвинувшееся на первый план значение финансовой проблемы и денежного оборота.

Новейшие приемы экономической политики характеризуются сдачей в аренду государственных предприятий большого коллибра и значения, чем раньше (сдаются предприятия полиграфический, текстильной, угольной промышленности), все более и более увеличивающимся подрядным способом исполнения государственных хозяйственных задач и постепенным переходом крупной государственной национализированной промышленности на начала так называемого хозяйственного расчета. Последний опубликованный в печати проект предусматривает перевод всей государственной промышленности, объединяемой ВСНХ, на эти начала. Есть ли это только прием управления, метод регулирования госпромышленности? По внешности, по названию—да. Все эти тресты, синдикаты, или—как гласит терминология соответствующих «положений»—«объединения предприятий» остаются формально государственными предприятиями, подчиняются высшим хозяйственным органам, обязаны пред ними отчетностью; получая от государства первоначальный оборотный капитал в виде сырья, материалов и орудий производства, они «в минуту жизни трудную» (как было с «Северолесом») претендуют на дополнительную получку, на увеличение оборотного капитала, т. е., на новый приток средств из той же государственной казны. Но в сфере гражданского оборота эти предприятия, именуемые государственными, выступают, как вполне самостоятельные субъекты его. Они вступают в договорные отношения не только с государственными организациями и лицами, но и взаимно между собою, свободно располагают всей или почти всей продукцией; декрет о расчетных операциях между государственными учреждениями и предприятиями путем оборотных вычислений основательно забыт и за все услуги требуются наличные дензнаки. Одновременно с такой модификацией государственной промышленности, с таковым ростом ее «хозяйственности» и коммерциализации, вырисовывается все большее и большее значение частного субъекта торгового-промышленного оборота—посредника, арендатора, подрядчика и т. п. Лица этой категории,—недавние «спекулянты», а нынешние «красные купцы»,—густо обросли государственные учреждения; между ними установились самые интенсивные,

оживленные отношения. В этом нет ничего самого по себе плохого; наоборот, с точки зрения развития хозяйственной жизни это, вероятно, весьма желательно, но поскольку эти отношения сопровождаются циркуляцией ценностей, переходом их из сферы обладания госорганов в руки частных лиц в виде обязательных и довольно значительных авансов, составляющих, большую часть, основу подрядного предприятия, в виде передачи арендатору не только вполне оборудованных предприятий, но нередко и сырья, материалов и проч., поскольку товарные ценности—продукция государственных предприятий—имеют тенденцию перехода в частные руки предпочтительно перед другими предприятиями государства, контроль органов государственной власти над этими большими и малыми делами является необходимым. В дальнейшем мы постараемся выяснить, что это должен быть контроль sui generis (своеобразный), контроль, выражающийся подчас в содействии бессильному в юридических тонкостях хозяйственному органу, контроль, охраняющий законные интересы государства в его имущественных отношениях с частными субъектами права и в то же время придающий этим отношениям надлежащую крепость и публичность.

Для того чтобы иллюстрировать только что приведенные общие соображения об имущественных взаимоотношениях между государственными органами и представителями частного интереса, чтобы доказать, что эти взаимоотношения не всегда клонятся к пользе государственной, что эти отношения часто входят в коллизию и с действующими нормами права, и с нормами общепринятого хозяйственного оборота, построенного на расчете и взаимной выгоде сторон, и, если угодно, иногда даже с правилами житейскими и с здравым смыслом, достаточно было бы отослать к фактам, сообщенным в свое время и ныне сообщаемым в повременной прессе. Нашей задачей не является приведение всех этих фактов или хотя бы части их. Мы ограничимся ссылкой на сводку подобных фактов, содержащуюся в ст. **Аванесова** «Сдача предприятий в аренду на Урале», помещенной в № 2 «Экономической жизни» за текущий год. Эта сводка для нас тем ценнее, что она содержит в себе сведения, относящиеся к деятельности не предприятий, не трестов или синдикатов, живущих в некоторой степени самостоятельной жизнью, а губсовнархозов, т. е., государственных органов, призванных производить общегосударственную хозяйственную политику на местах, осуществлять задания центра, стоять на страже государственных интересов, ограждать их всевозможными мерами, регулировать местную государственную промышленность и т. п. И что же, как осуществлялись эти задачи советами народного хозяйства на Урале, как сдавались в аренду предприятия одного из важнейших промышленных районов РСФСР? Мы не будем останавливаться на чисто экономической стороне договоров, хотя и эта сторона тесно переплетена с юридическими их особенностями. Нас в тесных рамках журнальной статьи интересует правая сторона заключенных договоров, их соответствие действующим узаконениям и самым примитивным, самым общим понятиям о юридических документах

Все договоры составлены по одной, очень несовершенной схеме, крайне неполной и настолько неряшливой по редакции, что они, судя по копиям, **не всегда могут рассматриваться, как юридические документы** (доклад Тюменской РКИ):

«Подлинных договоров в ГСНХ почти нет, копии же находятся в хаотическом состоянии и представляют собою не что иное, как простые **написанные для памяти бумажки**»*) (доклад комиссии по пересмотру договоров в Екатеринбургском ГСНХ).

Неудивительно, что при такой редакции, при таком отношении госорганов к заключенным ими договорам в них попадаются образцы вроде следующего: «Арендатор обязуется выработать за 6 месяцев из имеющегося в наличии сырья смолы от 600 до 1000 п., скипидару—от 30 до 120 п., и древесного угля 200 куб. арш., причем **арендатор сдает губхимотделу 15 проц. за аренду, т. е., по 15 проц. каждого продукта**».

Нельзя не присоединиться к выводу автора статьи, что это, т. е., «по 15 проц.» представляет собою явное преступление. Между тем как в отчетах, сводках и проч. обильных по нашему времени статистических материалах эта сделка фигурировала, вероятно, как одна из самых выгодных и неудивительно: целых 15 проц. продукции за аренду предприятия, конечно невыгодного и т. п. Неудивительно также, что в некоторых договорах о сдаче предприятий в аренду плата за нее **вовсе не предусмотрена**, в других она установлена в виде обязанности арендатора сдать (и обязанности государства принимать) **продукты по рыночной стоимости**)**. Нам кажется, что здесь не только глупость и невежество арендодателей, здесь необходимо вмешательство следственного аппарата. И еще нам кажется, что эти «странности» не могли бы иметь места, если б была установлена обязательная публичность подобных актов, обязательность их засвидетельствования и даже совершения при участии органов юстиции, органов советского нотариата. При таких дефектах совершаемых от имени государства договоров вполне понятно и естественно то ревнивое чувство собственника, то враждебное отношение, какое встретили попытки Челябинской РКИ быть вполне осведомленной в делах аренды, и непредъявления губсовнархозом копий арендных договоров, несмотря на категорические требования РКИ. Разумеется рабоче-крестьянская инспекция своего добьется, она получит доступ к тайнам арендной эпопеи, больше того, она добьется аннулирования невыгодных для государства договоров, может быть возвращении предприятий, невыгодно или преступно сданных в аренду. В одном Екатеринбургском ГСНХ аннулировано 26,2 проц. договоров, постановлено пересмотреть 28,7 проц. решений не вынесено в 35,7 проц. случаев и утверждено только 7 проц. Аннулированы—а каковы последствия для сторон, для народного хозяйства в целом? Предприятие, сданное под видом аренды «на поток и разграбление» частного хищника, возвращено, но материалы, сырье, само оборудование—какова их судьба? Иная сделка, заключенная в обход дей-

*) Курсив наш. М. Б.

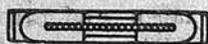
***) Курсив наш. М. Б.

ствующих узаконений, расторгнута, но материальная ценность—предмет сделки—ведь ушла из обладания государства. Допустим, в лучшем случае, что договор экономически выгоден, хозяйственно целесообразен, и, вообще, удовлетворяет требованиям новой экономической политики, направленной на создание материальных ценностей всеми средствами. Но заключение договора—материя тонкая и не всем деятелям и делателям нашей хозяйственности на местах дано в этих тонкостях разобраться. Необходимо создание института, ко-

торый гарантировал бы наши хозяйственные органы от погрешностей и оплошностей, в лучшем случае, а в худшем—от злонамеренных действий как должностных, так и частных лиц, института который был бы достаточно авторитетен и отличался бы достаточной силой для придания крепости совершаемым при его участии актам. Таким институтом является советский нотариат, организованный при судебных учреждениях.

(Окончание следует).

М. Брагинский.

Организация труда для осужденных*).

Практическая деятельность моя по судебному ведомству почти со времени основания советских судов убедила в правильности взятого совправительством курса в отношении пенитенциарной системы.

Идея совласти в этом отношении—перевоспитание преступника путем работ и культурного просвещения не чета бывшим филаделфийской, обернской и др. системам.

Но та же практика заставляет меня задуматься, почему эта идея остается идеей, но мало или почти не проводится в жизнь. С этим необходимо торопиться и не откладывать в долгий ящик.

Новые социальные преступления, вследствие темноты массы и ее косности, развившейся вследствие пережитого потрясающего периода и условий (войны империалистической и гражданской), сделавшие ее века апатичным ко всем явлениям, познаются только через нарсуды. Иногда ударные задания советской власти: продналог, борьба с самогонкой, соляная монополия и т. п. застают трудисправительные отделы врасплох—тюрьмы переполняются.

Не имея работ, тюремное население делается паразитическим, обленяются, лежат, а имеющиеся тут «профессора» дополняют развращение тюремного населения. Правительство, учитывая это, делает вылазки—искусственные выпуски, в особенности следственных. От этого в судах появляется неуверенность в борьбе с преступностью, а у преступников уверенность в скором выпуске из под репре сий для продолжения тех же или иных преступлений. Не надо закрывать глаза на то, что то же самое порождает ежегодные амнистии. Недаром среди преступников выработался анекдот—преступник-спец дает телеграмму жене: «приговорен к расстрелу, заменен пятилетним заключением, через месяц ждите домой».

Все это создает впечатление беспорядочности и до некоторой степени растерянности, а из суда фикцию.

Как же всего этого избежать? Только неуклонно проводить советскую идею пенитенциарного перевоспитания. Для этого необходима помощь сверху—твердая политика по этому вопросу трудисправительного отдела. Без решительного слова сверху далеко не уйдешь. Вот передо мной постановление васькурского уездного съезда советов, которое, по моему докладу, обязало исполком в феврале прошлого года отвести потребное количество земли под ферму тюремного населения, устроить в тюрьме электрическое

освещение, открыть мастерские: сапожную, столярную, портняжную, открыть курсы обучения по программам школ 1-й и 2-й ступени. Об этом же имеется постановление, исполкома, которое порушило про себя все это коммунальному отделу и отделу народного образования, но постановления эти так и остались постановлениями и только были проведены курсы, а тюремное население, доходящее иногда до 170 человек, эта рабочая сила, могущая своротить горы, совершенно бездействует и голодает. Другой пример: сверху предписывается коммунальному отделу отвести любой совхоз в уезде—исполняется с педантизмом, хотя у коммунального отдела нет ни рабочей силы, нет ни средств.

Это значит, что со стороны Наркомюста нет веского слова, нет согласованности с Наркомземом.

Тюрьму надо сделать лечебницей посредством работ, для этого нужна земля, помощь на первый раз со стороны Наркомпрода на обсеменение, а все это при твердом желании найдется. Теперь, найдется ли инвентарь живой и мертвый для обработки земли? Конечно, да. Ведь, конфискуют же суды скот, а подчас и мертвый инвентарь, у хозяйственных преступников. Он идет в пользу бедных семей красноармейцев, но те не подготовлены, например, нет корма, и имущество распыляется. Не лучше ли его употребить с пользой для тюремного населения? Затем, присталой скот, хозяев коему не находится в продолжительное время, гибнет у хранителей, а сколько бы из всего этого можно было сделать пользы.

Среди тюремного населения бывают и агрономы, и крепкий мужик землероб, и пчелы, вообще, люди со всевозможными профессиями и ремеслами. Здесь дело распределительных комиссий расселить по разным тюрьмам рационально, смотря по надобностям, а не держать прикрепленными к одной тюрьме по месту осуждения, где они не приносят пользы. Тогда, поверьте, тюремное население не только не будет голодать, но будут излишки, а земля и инвентарь станут употребляться более рационально.

Необходимо сказать несколько слов об общественных работах: разве, говорит нижегородский губотпост, так мало теперь общественных работ, что слишком малый процент присуждений к этому новому прекрасному виду репрессий, и издает циркуляр, поужающая нарсуды к большему присуждению к этому виду репрессий.

Что этот вид репрессий один из лучших для исправления человека, что много, в особенности теперь, и общественных работ—это аксиома. Однако, нарсуды

*) Печатается в порядке дискуссии. Редакция.

присуждать к этому виду репрессий стесняются, из практики зная, что это ни к чему не приведет. Васильсурский уезд не стоит в хвосте по присуждениям к этому виду наказаний и что же: этого преступника,—допустим плотника,—отдел распределения рабочей силы посылает на работу, работа есть, но нет ни топора, ни пилы. Плотник, драгоценный в данное время работник, посылается собирать желуди или вовсе никуда не посылается, а уходит и спокойно живет дома, к сроку же является в отдел труда, а приговор считается исполненным. По должности предубоюта я часто вращался среди тюремного населения и понял психологию его: «меня, говорит мужик из деревни, посадили в тюрьму, я здесь казенные харчи ем, пользы ни себе, ни казне. Дали бы мне отрядную работу и я бы скорей отделался, да и обществу польза».

Я не сторонник отрядных работ, но полагаю, что здесь с успехом прошло бы досрочное освобождение. Не то досрочное освобождение, о котором трактует инструкция Наркомюста от 25-го ноября 1918 года. Здесь преступник недоверчив и апатичен: «все равно откажут». Но если ему поставить на суде, же при разборе дела условие: «если ты будешь добросовестно работать, то работу будешь исполнять только половину срока», тогда, поверьте, уровень работы поднимается и присужденные к работам найдут сами и пил, и топоры. Пожалуй, будут спариваться, а может быть, собираться артелями.

Присужденных к такого рода наказаниям не следует отдавать в отдел распределения рабочей силы, где за ними надзора нет, да и быть не может, а отдавать в распоряжение той же тюремной администрации, у которой имеется уже опыт.

Вообще, тюрьмы сделать и хозяевами и поставщиками всевозможных работ.

Амнистия должна касаться только отнесенных к образцовым разрядам и частично исправляющихся по положению об общих местах заключения.

В заключение считаю необходимым:

1) Наркомюсту войти в соглашение с Наркомземом об отводе земель под тюремные фермы в законодательном порядке, благо теперь земельный вопрос пересматривается;

2) войти в соглашение с Наркомпродом о снабжении семенным авансом на посев этих земель;

3) рекомендовать нарсудам конфискованный живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь передавать в распоряжение тюрем;

4) рекомендовать нарсудам к присужденным на общественно-принудительные работы применять условно-досрочное освобождение, объявляя его при вынесении приговора, а самые работы давать с инструментами за счет присужденного;

5) распределителем работ присужденных к общественно-принудительным работам сделать администрацию тюрьмы.

П. Аггеев.

Крестьянские разделы*).

Последнее время волостные земельные отделы заняты исключительно одними разделами, уездные земельные отделы завалены преимущественно тем же. Всероссийский съезд работников юстиции уже высказался за то, чтобы дела по всем крестьянским тяжбам были исключительно в суде народном. Само крестьянство желает того же, потому что народный суд пользуется большим доверием. Пока что, разделы стали явлением эпидемическим и с передачей этих дел в народные суды в этих судах дел о разделах **будет 90% общего числа дел гражданских**. При таком огромном большинстве таких процессов, при полном отсутствии определенных законоположений по этим чрезвычайно **жизненным** делам, становится неотложным, в интересах населения и страны, в интересах правосудия, упорядочить эти тяжбы и от центра преподать на места какие-либо практические указания тем же народным судам в соответствии с проводимой всюду **экономической политикой**. Опыт и время, правда, и сами сделают свое и те же суды народные сами усвоят и возьмут определенный курс во всех формах таких процессов, но пока-то это переживается и выработается, сами суды очень нуждаются в законодательных указаниях, а иначе в

каждой губернии, в каждом уезде, в каждом суде совершенно аналогичные дела и вопросы этого права будут разрешаться очень и очень различно. Одно и то же право в одном суде получит разрешение, в другом отказ. У самого населения создается убеждение, что закона нет, если правосудие не одинаковое, если никто не знает ни своего права, ни того, на что он может рассчитывать от суда республики, если сам суд не знает этого права и не уверен в своих решениях. Народ станет тогда толковать о суде по-иному, по-своему и оттого высокое **значение и достоинство** и честь суда **народного будут только страдать**. Принято, что если нельзя разрешить спора на основании определенного положения, на основании закона писанного, то справедливо и рекомендуется разрешать споры на основании **закона обычного**, на основании права неписанного. Народный суд пользуется, конечно, и таким правом в некоторых на самом деле редких случаях. Такое обычное право может быть источником, основой права, если это обычное право в данной местности определенно сложилось в известное местное воззрение и его юридические положения издавна проявлялись и применялись в действительности. Сила обычая—в его существовании и **иногда обычай вытеснял закон**. Но дело-то в том, что **именно в делах о разделах и нет этого обычая**; нет обычая, чтобы по нему можно было разрешить тот или иной семейно-имущественный спор. Есть обычай—делиться, но

*) Помещая настоящую и следующую статьи, редакция уверена, что и другие работники на местах откликнутся по целому ряду вопросов, касающихся деревни. Редакция.

как **разделиться—обычая нет**. И не имея руководством ни закона, ни права обычного суд дела о разделах и разрешает настолько различно, насколько различен каждый раз состав судящих и другие факторы и впечатления, также **совсем случайные**. Другое дело, если бы такое дело разбирал суд третейский; в суде же правительственном нужен закон; сам **народ хотел бы закона**, хотел бы **верить прежде всего закону**. Народ ищет правды и закона и за этим законом идет в суд. Обыкновенно, раздел начинается по разрешению сельского совета. Этот совет всегда такой добрый, что ни в чем не откажет своему односельцу и, обыкновенно, дает удостоверение, что к разделу **препятствий нет**, что раздел даже **целесообразен**, хотя отлично (и лучше суда) знает, что **все дело из-за ссор и одних женщин...** Начинается дело. Волостной земельный отдел делит, **как случится** или «по революционному правосознанию». Недовольный **обязательно** переносит дело в уездно-земельный отдел, **надеясь найти закон**. Уездно-земельному отделу из города еще труднее разобратся, как разделить посправедливее и здесь обычно решают: «не усматривая **кассационных** поводов, решение утвердить». Могли жалобщик знать эти кассационные поводы? Он думал одно, что его тут лучше разберут, по закону, а здесь по существу и не разбирали. Жалобщик опять не верит и, надеясь уже на губернию, переносит дело в губернский земельный отдел и, как ни странно, а здесь в губернском земельном отделе часто разрешается дело не со стороны надзора, не со стороны кассации, а прямо по существу. Таким образом существуют как бы две кассационные инстанции. В суде народном теперь инстанции упростятся, но все же самое разбирательство разделов по существу очень и очень нуждается в законодательных положениях, **как именно нужно делить по закону**, потому что всякий идет в суд, **надеясь, что его разберут по закону**. А закона-то и нет, а в прежнем разобратся нет возможности. Закон необходим, поэтому, хотя бы в общих определениях.

Для лиц не сельских прежде был такой закон. (X т. 1 ч.). **Раздел** возможен был только общеприобретенного или наследственного, а **выдел** возможен сыну или дочери (приданое) **по воле собственника—отца**, но ни сын ни дочь при жизни этого домохозяина—собственника **требовать выдела из благоприобретенного не имели права** (ст. 995 и 996). И такой закон с 1785 г.; к сельскому населению этот закон и к сельскому имуществу не применялся; если бы применялся, разделов бы и не было... Из законов общегражданских теперь есть кодекс семейственного права. К сожалению,

этим кодексом пока мало руководствуются и он населением еще не усвоен. И по этому кодексу имущества и детей и супругов **м. б. отдельные**; брак не создает общности имущества; один супруг от другого и при разводе может требовать **содержания...** Что же в действительности: женщина выходит замуж, скоро разводится и **начинает** дело о выделе из имущества двора и суд часто присуждает имущество и норму и семена. По такой последовательности женщина может несколько раз выходить замуж и каждый раз получать выдел (но не содержание, по кодексу, а если бы оно еще следовало!). Еще сложнее дело, когда у такой женщины ребенок, и на него требуется и присуждается выдел. Другой пример: слабый силами двор берет к себе зятя. Зять живет с год и уходит, требует выдела и ему присуждают, и получается, что слабый двор, желавший поправиться, совсем разоряется, разлагается в условиях и без того тяжелой жизни... Присуждаются выделы детям, братьям, давно ушедшим и живущим самостоятельно, присуждаются только потому, что они кровные, из этого двора, когда в этом дворе остаются еще братья, еще красноармейцы на службе, еще старики и дети, а инвентаря нет. Разделы приняты сплошной характер. Продолжают строиться невозможно: роют землянки, а делятся. И странное явление, когда в деревне сын делится с родным отцом, когда родные братья от единственной телеги делят колеса, — в городе в это время совсем чуждые, из-за недостатка в инвентаре, всемерно объединяются в коллективы, в артели, товарищества. В борьбе за жизнь городской пролетариат весь в этих объединениях, кругом города вся земля разработана, город уже несет республике продналог; городской пролетарий стал культурным работником Всеработзема, уже премируется на С. Х. З. выставке и теперь уже никогда не бросит земли—кормилицы.

При общей бедности сейчас в живом и мертвом инвентаре разделы разоряют крестьянство. Необходимо ограничение разделов, а от суда необходимы **здоровые принципы** самых разделов, где только разделы действительно необходимы, и внесение в деревню законных норм по этим процессам, хотя бы в том смысле, что **выделяющийся** может рассчитывать только на такую долю, которая соответствует **времени и доле труда**, вложенных выделяющимся в трудовое хозяйство, а учесть эту долю и будет вся задача у суда при разбирательстве.

Н. Щетинин.

Ответственность за потравы.

Одной из очередных задач, требующих немедленного разрешения, является вопрос о потравах. Мне неизвестно разрешен ли и как разрешен этот вопрос вновь вырабатываемых кодексах уголовном и гражданском, но что разработка этого вопроса и разработка тщательная настоятельно необходима,

в этом, по крайней мере, для меня, не является не малейшего сомнения.

И на самом деле, спросим любого нарсудью, работающего в деревне: «каких у него дел бывает более всего в летний период». Ответ будет единогласный: «потравы»; и если опять спросим: «при реше-

нии каких дел более всего возникает сомнений в правильности решения», они опять таки отвечают: «в потравах». Да это и ясно: указаний центра по вопросу о потравах до сих пор не было и нет никаких, а различные положения в делах встречаются на каждом шагу.

Потравы громадное зло нашего сельского хозяйства. Потравами беспорядочно и безтолково уничтожается большой процент посевов.

Потравы большой тормаз в деле развития сельского хозяйства.

Крестьянин прямо говорит: «попробуй-ка посеять хлеб где-нибудь в дальнем поле или лугу, все равно не увидишь всходов — стравят».

Да это и правда. Травят посевы при всяком удобном и неудобном случае; травят чаще по недосмотру и халатности, а иногда даже и по злому умыслу. Зло это настолько укоренилось, что, большей частью, даже и не обращаются к помощи Суда, а просто машут рукою и говорят: «Ну, у нас потравили, так, ведь, и наш скот не раз побывает у них в полях».

И так продолжают потравы под круговою порукою. Если же дело о потраве поступает в суд, то нарусудья и заседатели, решая дело, блуждают в полных потемках. Спросите: почему? А вот почему: потрава рассматривается, как уголовное преступление (порча чужого имущества), с гражданским иском в пользу потерпевших.

Теперь, допустим, что потравивший скот находился под надзором пастуха. Кто виновник потравы: владелец скота или пастух?

Или: скот был без пастуха и попал в соседнее поле через незакрытый проезжающим отвод. Кто виновник потравы, владелец скота или проехавший и не закрывший отвод гражданин?

Или: скот попал через неисправную изгородь. Кто виновник потравы, владельцы скота все или те, у коих изгороди неисправны?

И масса других положений, где судьи за неимением руководящих указаний при решении дела ищут и не находят правильного выхода. Ясно, что различное толкование этих основных положений недопустимо; необходимы определенные указания закона на этот счет. И мы, судьи на местах, этих указаний ждем с нетерпением, так как вопрос о потравах для нас является вопросом злободневным. Дабы возможно полнее получить указания, я формулирую здесь, по возможности, все вопросы, требующие разъяснения в делах о потравах:

1. Признается ли случайная (неумышленная) потрава уголовным преступлением, т.-е., следует ли виновник в неумышленной потраве подвергать уголовному наказанию (на мой взгляд нет).

2. Кто несет уголовную и гражданскую (по иску) ответственность за потраву, если скот поручен пастуху (я признаю виновными владельцев скота, а пастуха только в тех случаях, когда в договоре о найме его оговаривается, что он несет ответственность и отвечает за все убытки по потравам).

3. Кто виновен в потраве (отвечает за убытки), если потрава произошла по вине гражданина не закрывшего отвод (я обвиняю все-таки владельцев скота).

4. Кто виновен в потраве и отвечает за убытки, если потрава произошла вследствие неисправных изгородей (на мой взгляд виновники потравы здесь уже не владельцы скота, а лица, содержащие изгороди в неисправности).

5. Кто обязан огораживаться, т.-е., ставить изгороди владельцы скота или владельцы поля?

Последний вопрос особенно важен и правильное и немедленное разрешение его может сыграть свою роль в деле развития сельского хозяйства. Конечно, если решение будет таково, что огораживаться должно пастбище (а не поле) владельцами скота. При таком решении этого вопроса, во-первых, уничтожится необходимость огораживать и разгораживать между собою поля в тех деревнях, где скот в поля не пускали, а пасется на особых выгонах (одна изгородь кругом выгона); во-вторых, при происходящих сейчас землеустроительных работах гораздо легче будет переход с трехпольного на многопольные севообороты, так как опять-таки при особом выгоне не потребуются огораживание по отдельности каждого поля деревни, и, в-третьих, обязанность отгораживать скот заставят граждан и тех деревень, где он до сих пор еще выпускается в поля, выделить отдельные выгона и прекратить пастбу скота в паровом поле, дабы не гордить каждый год громадное количество изгородей, как между своими полями, так и кругом всей земли деревни.

Вот главные вопросы, интересующие судей на местах по делам о потравах, и в интересах как крестьянского населения, так и общегосударственных вопросы эти Наркомостом в согласии с Наркомземом должны быть немедленно разрешены.

Н. Козлов.

Обзор советского законодательства

за время с 12 по 18 февраля 1922 г.

Из опубликованных за это время декретов замечания заслуживают:

1. Декрет СНК о порядке найма и увольнения рабочих и служащих («Изв. ВЦИК» от 15 февраля № 36).

Наем рабочих и служащих всеми без исключения учреждениями и предприятиями (государственными, общественными и прочими) и отдельными работодателями, согласно декрета, производится через отдел

труда с соблюдением следующих условий: а) посылка на работу подходящей рабочей силы (определенной профессии и квалификации) по сделанному спросу совершается в порядке очереди; б) назначенная на службу может состоять только по соглашению с работодателем и при неудовлетворении его со стороны отдела труда в течение трех дней или при необходимости вербовки рабочих в других районах он имеет право по соглашению с Народным Комисса-

риатом Труда и его отделами самостоятельно нанимать необходимую рабочую силу с последующей ее регистрацией в отделах труда. Что касается увольнения рабочих и служащих, то оно производится согласно правил кодекса законов о труде (§ 46-50), а там, где условия труда регулируются коллективным договором, также на основании условий этого последнего, поскольку ими не ущемляются права рабочих и служащих, предоставленные им кодексом законов о труде.

Ис'ятия из постановлений декрета допускаются лишь в отношении специальных договоров с особого при том разрешения СНК и СТО. Декрет возбуждает несколько вопросов. Прежде всего, не совсем ясно, когда именно предприятия и учреждения имеют право приступать к самостоятельной вербовке необходимой им рабочей силы в порядке 2 п. декрета. Декрет обязывает отделы труда извещать пред'явителя спроса на работу в срок не более трех дней о наличии или отсутствии подходящей рабочей силы, но не оговаривает, что неизвещение в установленный срок со стороны отдела труда равносильно отказу его в предоставлении запрашиваемой рабочей силы. Далее предприятия и учреждения могут приступить к найму рабочей силы в случае неудовлетворения их отделами труда «по соглашению» с Народным Комиссариатом Труда и отделами труда».

Таким образом, с одной стороны, истечение вышеуказанного трехдневного срока само по себе еще не освобождает работодателей от применения § 2 декрета, а с другой, декрет совершенно не определяет, в каких именно случаях необходимо соглашение с Народным Комиссариатом Труда и когда с его отделами, и не различает случаев массового найма рабочей силы от случаев единичного приглашения необходимого работника. Неясно также, что разумеет декрет под выражением «в других районах». Все эти недомолвки сделают применение правил о найме рабочей силы на практике крайне затруднительным и повлекут за собой, несомненно, стремление к их обходу.

Что касается правил об увольнении рабочих и служащих, то недоразумение здесь выгызается тем обстоятельством, что ссылка в декрете сделана лишь на §§ 46-50 кодекса законов о труде. Значит ли это, что с изданием декрета применение § 51 и последующих кодекса не должно иметь места, и что, следовательно, декретом создается для рабочих и служащих право ухода со службы по собственному желанию без каких-либо в том ограничений. Решающего вывода в этом отношении из содержания декрета сделать нельзя.

II. Декретом размер страховых взносов на лечебную помощь («Изв. ВЦИК» от 16 февр. № 37).

Ставки взносов на лечебную помощь соответственно четырем разрядам опасности устанавливаются для учреждений, предприятий и хозяйств в 5, 5¹/₂, 6, 6¹/₂ и 7% заработной платы.

III. Декрет ВЦИК об общегражданском налоге в пользу голодающих («Изв. ВЦИК» от 14 февраля № 35).

Общая сумма налога, как известно, исчислена 9-м Съездом Советов в шесть миллионов золотых довоенных рублей.

По декрету облагаются все мужчины в возрасте от 17 до 60 лет и все женщины в возрасте от 17 до 55 лет.

Освобождаются от налога: а) красноармейцы и милиционеры, состоящие на действительной службе; б) учащиеся государственных учебных заведений; в) лица, пользующиеся социальным обеспечением; г) женщины, имеющие на своем попечении одного ребенка в возрасте до 14 лет или других нетрудоспособных членов семьи, если при этом они ведут хозяйство без чужой помощи, а также домашние хозяйки, обслуживающие семью в пять человек.

Налог исчисляется для рабочих и служащих, получающих содержание до 9 разряда, в 50 к., для остальных рабочих и служащих, а также крестьян, ведущих свое хозяйство без применения наемного труда, в 1 руб., для прочих граждан — в 1 руб. 50 к. Срок уплаты налога без пени 31-е мая 1922 г.; пеня в 100% ежемесячных исчисляется до 31 июля того же года, а после этого последнего срока пеня устанавливается в 300%. У декрета один недостаток: он освободил от налогов черезчур много разрядов плательщиков, которые легко могли бы его внести по его сравнительной незначительности.

Кроме вышеуказанных декретов за обозреваемый период были опубликованы декреты:

IV. О переводе часовой стрелки на час вперед («Изв. ВЦИК» от 15 февраля № 36).

V. Постановление о центральном архиве («Изв. ВЦИК» от 16 февраля № 37).

VI. Постановление об отмене пункта 6 раздела IV декрета СНК от 10 октября 1921 г. (С. Уз. № 69-1921 год, ст. 553) «О порядке составления финансовых смет на 1922 год».

Постановлением отменяется кредит в 50% с суммы всех сметных расходов государства по данной губернии, предоставлявшийся вышеуказанным декретом в пользу губисполкомов.

В. Аронович.

СУД и ЖИЗНЬ.

Надо подтянуться.

Перенесение центра тяжести от органов чрезвычайных на органы нормальной юстиции обязывает места проявить очень много энергии особенно сейчас в эти первые моменты входящей в свои законные права юстиции.

Это тем более важно и необходимо, чтобы в момент этой перестойки не образовалось пустое место. Установление революционной законности не может считаться обеспеченным одним только формальным провозглашением ее взамен

действовавшего до сих пор в очень многих случаях права революции.

Работникам на местах необходимо проделать огромную работу по улучшению и укреплению своего аппарата и по подготовке нового кадра судебных работников.

Губотюстам необходимо свои задачи надзора за судебными местами и их инструктированием расширить и органы юстиции в настоящий момент должны простираť свое влияние далеко за пределы чисто-ведомственного наблюдения и во всех случаях, где новая экономическая политика делает свои уродливые гримасы, всей тяжестью авторитета государственной власти пресекать их и тем самым способствовать правильному ее применению.

Однако, не везде еще развита та кипучая деятельность, какой государство вправе ожидать от юстиции в настоящий исторический момент.

Посещение мною одной из западных губерний (Гомельская) оставило во мне впечатление, что там ближайшие задачи еще недостаточно поняты. Сонное состояние, в котором судебные органы пребывали в течение 4 лет, в этой губернии не изжито.

Характерно, что мне пришлось потратить значительное время на поиски по городу самого отдела юстиции, который до сих пор не удосужился обзавестись вывеской.

Это — возможно на первый взгляд и мелочь — сразу предопределяет отсутствие правильно действующего организационного аппарата, что и подтвердилось при более детальном ознакомлении. Губотюст не только не чувствуется, как зоркий орган на страже революционной законности, как орган живо реагирующий на все явления местной жизни и действующий на страх извращающим новую экономическую политику, но даже элементарная и непосредственная обязанность ревизии и инструктирования судебных мест им не выполняется.

Тяжела на подъем провинциальная публика. Мне пришлось посетить народный суд, находящийся лишь в 20 верстах от гор. Гомеля. Губернское судебное начальство совершенно не имеет обыкновения хотя бы несколько проветриваться и, по словам народного судьи посещенного мною участка, на протяжении нескольких лет из губернского центра никто к нему не заезжал.

Картина в народном суде оказалась не из приятных. На полу валялись в беспорядке в растрепанном виде неподшитые дела.

Глядя на эту картину запущенности, по аналогии, вспомнилась свинья, (из повести Гоголя), утащившая дело Ивана Никифоровича.

Внешняя запущенность в суде соответствовала и работе суда по существу. Обзор лишь только нескольких разобранных дел доказал, что судья, между прочим, юрист, мало знаком с декретами, так, например, до сих пор не удосужился прочесть Положение о Высшем Судебном Контроле, хотя номер Собраний Узаконений у него под руками.

Некоторым завоеванием гомельского губотюста можно считать организацию исправительно-трудовой колонии, рассчитанной на 150 человек. Колония расположена в живописной местности, в прекрасном имени, на берегу реки.

Есть и тут некоторые дефекты: сравнительно слабая постановка воспитательного дела и незаинтересованность арестованных в результатах своего труда. Само название колонии «Воля» звучит иронически.

В положительной работе губотюста за последние дни нужно отметить открытие курсов для подготовки судебных работников.

Программа курсов довольно обширная и включает в себе цикл лекций по гражданскому и уголовному праву, новой экономической политике, политической экономии, по судопроизводству и др.

Подбор курсантов довольно удачный из пролетарского элемента. Мне пришлось присутствовать на открытии этих курсов и приятно было наблюдать тот энтузиазм, с которым курсанты из рабочих приступают к трудной задаче изучения права. Чувствовалось, что курсанты все трудности, вытекающие из недостаточной организованности (отсутствие специального помещения для курсантов и др.), благодаря именно своей пролетарской энергии преодолеют. Лекторский состав курсов довольно удовлетворительно подобран и имеет ценных работников. Эту часть работы губюста можно приветствовать в остальном же приходится пожелать ему побольше энергии для приведения своих рядов в боевую готовность к выполнению больших задач, стоящих перед юстицией.

Помимо некоторой чисто провинциальной инертности, недостаток материальных средств также деморализующе действует на работников на местах.

В моем присутствии в коллегии того же губотюста поднимался вопрос о необходимости сокращения выездных сессий ревтрибунала и нарсуда из-за недостатка дензнаков и вместо приближения суда к населению получается еще большая оторванность.

Задачи, стоящие перед юстицией, огромны, интересны — они способны воодушевить, но центру необходимо места во время подкрепить средствами.

И. Ростовский.

Из судебно-медицинской практики.

Дело было в губернской столице. В одной из лучших гостиниц нашли в уборной труп поворожденного. Следовательно для выяснения принадлежности мертвого младенца потребовал от 2-х приглашенных

врачей освидетельствовать всех живущих в гостинице лиц женского пола (разумею, кроме старух и детей) на предмет установления недавних родов.

В старом Уст. Уг. Судопр. была статья 352, указывавшая на целодушевность привлечения к осви-

детельствованию других лиц женского пола, кроме тех, на которых падает основательное подозрение. Необходимо было бы ввести подобное разъяснение в разрабатываемый Устав Угол. Судопр.

II.

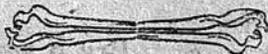
Постановлением Наркомюста и Наркомздрава от 18-го ноября 1920 г. беременная за плодизгнание (аборт) освобождается от уголовной ответственности. Но производство аборта ни в коем случае не разрешается ни акушеркам, ни другим лицам медперсонала, кроме врачей.

В одном провинциальном городе акушерка А. подозревается в производстве аборта гражданке Б. Последняя при допросе отрицает это и, вообще, не предъявляет никакого иска акушерке. Для установления факта аборта гр. Б. подвергается против ее желания медицинскому освидетельствованию. Интересно, кем, собственно, является в юридическом смысле гражданка, освобожденная от ответственности «постановлением» от 18-го ноября?

Во-первых — свидетелицей во всем этом деле.

Во-вторых — объектом преступления со стороны третьего лица, в данном случае акушерки.

III.

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции.

Проект декрета о наследовании принятый коллегией НКЮ и внесенный в Совнарком.

Совет Народных Комиссаров постановил:

В дополнение и развитие декрета ВЦИК от 1 мая 1918 г. (С. У. 1918 г. № 34, ст. 456) об отмене наследования и декрета ВЦИК об отмене права собственности на недвижимость в городах (Собр. Уз. 1918 г. № 62, ст. 674) установить впредь нижеследующий порядок перехода имущества, находящегося во владении частных лиц, к государству и другим лицам на случай смерти владельца:

1. Если имущество умершего или умершей состоит из немунципализированного строения и домашней обстановки в городском поселении, оно переходит на праве собственности к оставшемуся в живых супругу и несовершеннолетним детям. При отсутствии у умершего супруга или несовершеннолетних детей строение муниципализируется, но передается в пожизненное пользование только тем из нетрудоспособных родственников умершего по прямой линии нисходящей и восходящей или братьев и сестер его, которые находились на иждивении умершего ко дню его смерти.

Примечание: Порядок перехода строений в сельских поселениях определяется в земельных законах.

2. Мелко-промышленные предприятия, предусмотренные декретом СНК о кустарной и мелкой промышленности (С. У. 1921 г. № 53, ст. 323), и торговые предприятия в случае смерти их владельца переходят в общую собственность оставшегося в живых супруга, несовершеннолетних детей и тех детей и родственников умершего или умершей, которые принимали личным трудом участие в производстве. При отсутствии лиц, указанных выше, или наличии одних несовершеннолетних детей, означенные предприятия обращаются в государственную собственность

В-третьих — потерпевшей, ибо государство, основанное на трудовом принципе, призвано оберегать здоровье отдельных граждан даже помимо их соизволения, памятуя, что здоровье есть благо.

В-четвертых — соучастницей в преступлении, ответственной за сокрытие преступления незаконно произведенного выкидыша.

Полно, не слишком ли много шишек па бедного Макара?

III.

В г. Ч. привлекаются 2 лица по обвинению в пьянстве. Приглашенный в милицию судебный врач, несмотря на осмотр, обнюхивание и т. д. не находит в данную минуту следов опьянения (известное дело, отрезвилась!). Но свирепые судебные органы и 2-х обвиняемых, и врача вместе с ними приговорили к 6-ти месячному содержанию под стражей с опубликованием о том в местной газете... А врача то за что? Разве только ради компании в преферанс...

Я. Л.

с обеспечением несовершеннолетних в порядке декрета о социальном обеспечении от 9 декабря 1921 г. (С. У. 1921 г. № 79, ст. 631).

3. В случае смерти арендатора государственного предприятия договор аренды переходит со всеми правами и обязанностями на лиц, указанных в ст. 2 настоящего декрета, или прекращается, если хозяйственный орган откажется от дальнейшего его продолжения. В этом случае принадлежности и оборудование арендуемого предприятия, составляющие собственность арендатора, отчуждаются в порядке ст. ст. 2 и 4 декрета о реквизиции (С. У. 1921 г. № 70, ст. 564) с выдачей вознаграждения лицам, указанным 1-й частью ст. 1-й настоящего декрета.

4. Если имущество умершего или умершей заключается в паевом капитале товарищества и в договоре товарищества имеется условие о выделении доли умершего или умершей определенному лицу или лицам, указанным в ст. 1 настоящего декрета, то пай передается им согласно договора со всеми правами и обязанностями отсюда вытекающими.

5. Если имущество умершего или умершей состоит из акций акционерного общества, действующего в пределах РСФСР, передача акций на случай смерти регулируется уставом общества, утвержденным правительством.

6. Если имущество умершего или умершей состоит из денежного капитала в государственном или другом банке, действующим на территории РСФСР, и не превышает в общей совокупности 10.000 довоенных рублей, оно переходит к оставшемуся в живых супругу и несовершеннолетним детям в равных долях. При отсутствии этих лиц денежный капитал обращается в государственную собственность, точно также все суммы сверх 10.000 довоенных рублей,

находящиеся в государственном и других банках, после выдачи установленного настоящей статьей минимума также обращаются в государственную собственность.

7. Порядок наследования иностранцев в имуществах, находящихся на территории РСФСР, определяется конвенциями, а в случае неимения таковых по пра-

вилам настоящего декрета.

8. Поручить Народному Комиссариату Юстиции издать особую инструкцию о порядке приятия охранительных мер и публикации о вызове наследников на основе декрета ВЦИК об изменении порядка публикации (С. У. 1921 г. № 67, ст. 512).

Практика Высшего Судебного Контроля.

I.

Суд не может применять административных мер к высылке лица, о котором разрешено дело.

Вологодским отделом юстиции представлено дело о гр-ке Марии Модеповой, переданной народному суду по обвинению в краже. Народный суд, постановив 17-го августа 1921 г. об оправдании Модеповой в предъявленном ей обвинении, вместе с тем, постановил предложить начальнику милиции в недельный срок выслать Модепову из пределов г. Вологды на родину для постоянного там жительства. Таким образом, в приговоре допущено внутреннее противоречие, а именно, подвергнуто наказанию лицо, признанное самим судом по данному делу невиновным, почему, ввиду нарушения судом 75 ст. положения о народном суде, обязывающей суд основывать свой приговор на обстоятельствах данного дела, — на основании п. «а» ст. 2 Положения о Высшем Судебном Контроле приговор народного суда дежурной камеры г. Вологды от 17-августа 1921 года в части высылки гражданки Модеповой признан не имеющим законной силы.

II.

Суду не предоставлено освобождать от наказания.

Заслушав представленное нижегородским отделом юстиции дело о гр. А. В. Молькове, обвиняемом в должностных преступлениях, Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Судебного Контроля нашел: что приговором народного суда 3-го участка Нижегородского уезда, от 23-го сентября 1920 г., Мольков, будучи признан виновным в преступлениях по должности, освобожден, однако, вовсе от наказания вследствие проявленных им на этой должности волеюкомом о побых заслуг и ревностного отношения; что такой приговор народного суда противоречит 23 ст. Положения о Народном Суде, по которой народному суду не предоставлено право освобождать от наказания лиц, признанных им виновными, так как право это (право помилования) принадлежит исключительно Президиуму ВЦИК; суд при доказанности акта преступления может признать обвиняемого невиновным и даже оправдать его, но при условии, что совершенное им деяние ввиду исключительных условий его совершения сам суд не считает преступлением, что, однако, в данном случае не усматривается. Независимо от этого, принятая судом и направленная в сознарсуд кассационная жалоба начальника милиции на приговор народного суда неправильно оставлена сознарсудом без рассмотрения, так как по силе 76 ст. Положения о Народном Суде правом подачи кассационных жалоб пользуются все заинтересованные в деле лица, в данном же случае

начальник милиции, возбудивший против Молькова обвинение в должностных преступлениях является, несомненно, заинтересованным в исходе дела. Постановленный при указанных обстоятельствах приговор народного суда (и сознарсуда) не может оставаться в силе, — почему на основании п. «а» ст. 2 Положения о Высш. Судебн. Кон. определено: приговор народного суда и сознарсуда по настоящему делу признать не имеющим законной силы и дело передать для нового рассмотрения в особую сессию при Нижегородском сознарсуде.

III.

Иск о возврате ценностей, хранившихся в сейфе, не подлежит судебному разрешению.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Судебного Контроля, рассмотрев жалобу Замнаркомфина на решение народного суда 11 уч. г. Ростова н/Дону о выдаче вещей из сейфа, нашел:

8 февраля 1920 года при вскрытии сейфа № 360 в ростовском на/дону отделении бывш. В.-Камского банка, принадлежавшего гр-ке Алтунджи, комиссией постановила конфисковать все находившиеся там ценности: процентные бумаги, золотые и серебряные вещи. 25-го июля 1920 г. гр-ка Алтунджи обратилась в народный суд с иском о признании подлежащими возврату ей всех драгоценностей и этот иск был удовлетворен 7 октября 1920 г.

Между тем, декретом СНК от 15 апреля 1920 г. (Собр. Уз. 1920 г. № 26, ст. 127) всякие выдачи из сейфов прекращены и даже прекращен прием всяких ходатайств о выдаче ценностей от владельцев, а все неразрешенные окончательно дела об этом предписывается оставить без рассмотрения.

Таким образом, принятие народным судом к своему производству настоящего дела является незаконным и противоречащим вышеуказанному декрету, почему НКЮ в силу ст. 2 п. «а» Положения о Высшем Судебном Контроле определил:

решение народного суда по настоящему делу признать не имеющим силы и отменить, самое же дело производством прекратить.

IV.

Компетенция нар. суда по жилищным делам.

При рассмотрении дела по иску гр. Е. Е. Кузнецовой с черномосточинским волостным Екатериноб. губ. о пользовании домом дано следующее заключение: выселение квартирантов, а тем более учреждение, в виду желания домовладельца самому поселиться в занятых жильцами помещениях, является совершенно недопустимым и противоречащим политике

рабоче-крестьянской власти, а потому отказ нарсуда в иске был совершенно правилен. Суд вправе был даже не обсуждать этот вопрос, предоставить ли Кузнецовой нижнее помещение дома, так как это дело жилотдела, но суд ничьих интересов постановлением в этой части не нарушил, а потому оно может остаться в силе. Спор же о том, подлежит ли дело рассмотрению суда или земорганов, разрешается по следующему признаку; если иск основан на определенном праве, как например, в данном случае на праве собственности на дом, то иск подлежит рассмотрению суда. Если бы требование было основано на том, что у гр. Кузнецовой нет помещения, и она просит предоставить ей помещение в этом доме в общем порядке, тогда ее требование должно быть рассмотрено земорганами. В данном случае она основала иск на своем праве и суд правильно принял дело к своему производству.

По изложенным основаниям Отдел Высшего Судебного Контроля определение екатеринбургского губсовнарсуда по сему делу (прекращение дела и передача его в земельный отдел по подсудности) признал не имеющим законной силы и отмененное им решение нарсуда утвердил.

V.

Имущество членов сельско-хозяйственной коммуны, как коллективная собственность, не подлежит взысканию по претензиям к отдельным членам коммуны.

Гр. Дарья Иванова предъявила к гр. Петрову иск о возврате коровы и разного имущества и о взыскании за работу 8.000 руб.

Народный суд 7-го участка Чухломского уезда, Костромской губ., решением от 23 августа 1920 года удовлетворил иск в части возврата Ивановой коровы и другого имущества полностью, в части же иска за работу присудил ей же с Петрова 4.000 руб.

Решение это утверждено костромским губсовнарсудом 24 ноября 1920 г. Из дела видно, что Петров — зять Ивановой; оба они жили сначала в одном хозяйстве и вместе вступили в 1913 году в Обрезковскую сельско-хозяйственную трудовую коммуну, из которой истица Иванова, согласно ее заявления, была исключена по постановлению собрания коммуны от 12 августа 1919 г., Петров же до сих пор состоит членом этой коммуны и, как таковой, согласно § 3 устава коммуны, лишен в пользу коммуны права собственности на денежные средства, орудия производства, скот и, вообще, всякое имущество, необходимое для ведения коммунистического хозяйства.

При приведении означенного выше решения в исполнение взыскание обращено было на корову, которая, фактически, находится в распоряжении указанной коммуны. Последняя и сам Петров в отдельности подали в порядке судебного контроля заявления с ходатайствами об отмене решений народного

суда и совнарсуда, главным образом, потому, что у Петрова, как члена сельско-хозяйственной коммуны, никакого собственного имущества нет и что все внесенное им при вступлении в коммуну имущество принадлежит последней.

Обращаясь к обсуждению главного основания, приведенного жалобщиками в подтверждение ходатайства об отмене указанных выше решений народного суда и губсовнарсуда, а именно, к утверждению, что спорная корова, принадлежит сел.-хоз. коммуне и что к последней, а не к Петрову, надлежало предъявить иск, Народный Комиссариат Юстиции, прежде всего, констатирует, что отдел юстиции в своем заключении обошел этот вопрос молчанием, а между тем, доводы эти заслуживают полного уважения. Губсовнарсуд при рассмотрении кассационной жалобы не обратил внимания на сделанное ответчиком Петровым указание о том, что он в 1918 году вступил в сел.-хоз. коммуну, членом которой до сих пор состоит. Это указание обязывало совнарсуд к истребованию доказательств от Петрова в подтверждение этого заявления, существенного по делу и определяющего дальнейшее разрешение предъявленного гр. Ивановой иска, так как, в случае подтверждения сделанного Петровым указания и ввиду § 3 нормального устава с.-х. коммун, члены последних никаким собственным имуществом не владеют и отвечать за это имущество, составляющее инвентарь коммуны, не могут.

Из представленных же в стадии судебного контроля документов видно, что не только ответчик Петров, но и сама истица Иванова, одновременно в начале 1918 года вступили членами в Обрезковскую с.-х. коммуну, из которой Иванова в 1919 году была исключена и вышла из коммуны без всякого инвентаря. О правах и обязанностях членов коммуны истица Иванова была, таким образом, осведомлена и в момент предъявления иска не могла не знать, что Петров, как член коммуны, имуществом не владеет и что отыскиваемая ею корова принадлежит не ему, а коммуне, к которой она и обязана была предъявить иск. Предъявив же к Петрову заведомо неправильный иск, истица Иванова должна нести ответственность за все последствия неправильного иска и в иске этом ей надлежало отказать.

Решения народного суда и совнарсуда, постановленные с нарушением ст. 70 Положения о Народном Суде и § 3 устава о с.-х. коммунах, выработанного согласно положения о социалистическом земледелии и о мерах перехода к социалистическому земледелию и утвержденного Наркомом земледелия, не могут остаться в силе и все дело подлежит прекращению, почему Народный Комиссариат Юстиции определял:

Решения народного суда и совнарсуда по настоящему делу признать не имеющими законной силы и обратиться к новому рассмотрению в другом составе народного суда.

ХРОНИКА.

На I всероссийском съезде по ликвидации безграмотности.

На днях в Москве закончился I всероссийский съезд работников по ликвидации безграмот-

ности. Съезд прошел очень оживленно. Пробным камнем для съезда явилось выступление некото-

рых участников (от Наркомрабкрин, Цекиспроса) с предложением ликвидировать всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликбезграмотности. Радостно было видеть как дружно, с какой горячей любовью к делу и судьбам пролетарской республики отпарировали работники с мест этот выпад со стороны некоторых работников центра, которые в погоне за экономией (как рабкрин) и сокращением штатов (цекиспрос) готовы вырвать «пуговицы вместе с мясом», как выразился один делегат. Почти единогласно съезд высказался за сохранение дела по ликвидации безграмотности, как дела чрезвычайного характера и ударного более того. В предлагавшихся резолюциях отмечалась необходимость углубления работы по ликвидации безграмотности и не-

Нам пишут:

Служащие нарсудов Лихвинского уезда, Калужск. губ., не получали жалования еще за декабрь месяц 1921 г.

Работы требуют от них безупречной, да и давно назрела пора обеспечить в первую очередь тех, кто

посредственно вслед за ликвидированной общей безграмотностью приступить к ликвидации безграмотности правовой, что столь важно, особенно в связи с новой экономической политикой и ее перспективами, а равно и ликвидации санитарной неграмотности, что имеет такое исключительное значение в борьбе с эпидемиями.

Наши читатели из общей прессы имели возможность познакомиться с деталями работ съезда, в виду чего наша заметка может ограничиться на этом.

Пред работниками юстиции и организующими их центрами, в связи с выявленным интересом из самых что ни на есть ширей массы к вопросам правовой жизни, стоит задача осуществить формы и меры удовлетворения этих запросов.

обязан и должен стоять на страже советского правосудия. Голодное правосудие не может быть законно.

Кто же, наконец, обратит внимание на своевременное удовлетворение необходимым служащих нарсудов и кто позаботится о них?

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Постановление Совета Народных Комиссаров о возобновлении утраченных документов.

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Лица, утратившие виды на жительство, паспорта, трудовые книжки, мандаты, пропуска и вообще всякие документы, удостоверяющие какие-нибудь служебные права лиц, обозначенных в сих документах, обязаны немедленно по обнаружении утраты сделать надлежащее заявление учреждению, выдавшему документы, и в управление милиции по месту их жительства или временного нахождения, о чем последнее составляет соответствующий протокол.

Примечание. Вся переписка по делам об утрате документов производится за счет заинтересованных лиц и местные исполкомы могут устанавливать специальный сбор на этот предмет с заинтересованных лиц.

2. Копия протокола выдается на руки заинтересованному лицу, которое за свой счет обязано сделать публикацию в местных «Известиях» или в другом органе печати по определению отдела управления местного исполкома. В публикации должно быть указано: наименование документа, правительственный орган, выдавший его, дата выдачи и номер его, лицо, которому документ выдан (если документ именной).

3. По прошествии 7-ми дней со дня появления публикации лицу, утратившему документ, по предъявлении публикации и копии протокола, может быть выдан соответствующим учреждением другой взамен утраченного, при чем на этом документе обязательно делается надпись: «дубликат выдан взамен утраченного».

4. Местные органы милиции обязаны сообщать в управление милиции копии списков утерянных документов, которые в важнейших случаях, по своему усмотрению, через свои местные органы принимают меры к розыску этих документов.

5. В случаях утери документов в пути, утерявший должен заявить об утере местному органу тран-

спортного отдела госполитуправления. Последний по составлении протокола об утере выдает потерпевшему копию протокола и письменную справку с указанием в ней места, куда следует потерпевший, или место его постоянного жительства и срок, на который сия справка заменяет утерянный документ. Срок этот не может превышать 3 месяца.

6. Найдший утраченные документы обязан немедленно представлять их в местное управление милиции, которое обязано направлять документы по назначению, а в случае, когда назначение неизвестно, в управление милиции республики.

7. Непредставление в управление милиции найденных документов наказывается по приговорам народных судов штрафом до 25 довоенных рублей или арестом до одного месяца.

За председателя Совета Народных Комиссаров
А. Цюрупа.

Управляющий делами **Н. Горбунов.**

Секретарь **Л. Фотиева.**

Москва, Кремль, 27 февраля 1922 года.

Циркуляры НКЮ.

Циркуляр № 16.

Всем Отделам Юстиции.

В Народный Комиссариат Юстиции ежедневно поступают непосредственно от убитов, нарсудей и нарследов всякого рода запросы, заявления, жалобы и пр., которые должны быть разрешаемы на местах губернскими отделами юстиции. Вся такого рода переписка Наркомюстом препровождается на распоряжение и разрешение соответствующего губотюста, чем вызывается непроизводительная затрата труда и времени

и создается канцелярская волокита. Во избежание на будущее время такого нежелательного явления НКЮ предлагает разъяснить всем подведомственным судебным органам, чтобы они со всякого рода запросами, жалобами и проч. обращались исключительно в губернские отделы юстиции и, лишь в случае неудовлетворения таковых, направляли свои заявления непосредственно в Наркомост, с обязательным одновременно уведомлением о том губ. отдела юстиции с приложением копии посланного заявления в НКЮ.

Народный Комиссар Юстиции **Курский**.

2-го марта 1922 года.

Циркуляр № 17.

Всем Отделам Юстиции.

За последнее время учащаются случаи ходатайств с мест ответственных работников судебных учреждений — нарсеудей и нарследов и др. — о переводе их из одной губернии или области в другую. Следует разъяснить, что такие ходатайства не могут быть удовлетворены, так как должности нарсеудей и нарследов выборные и избрание кандидатов на таковые должно производиться согласно Положения о Нарсеуде (Собр. Узак. 1920 г. № 83 ст.ст. 13 и 30). В случае же желания кого-либо из ответственных работников перевестись в другую местность, ему следует, заручившись согласием на откомандирование с места службы, обратиться с надлежащим ходатайством непосредственно в губюст той местности, где он желает работать.

Народный Комиссар Юстиции **Курский**.

2-го марта 1922 года.

Циркуляр № 19.

Всем Отделам Юстиции.

Декретом Совнаркома от 16 января с. г. отменен льготный проезд по железным дорогам по «предложению», выдаваемым государственными учреждениями и предприятиями. Вследствие этого инструкция НКЮ о льготном проезде по железным и водным путям лиц, вызываемых к следствию и суду, также утратила силу.

В виду изложенного, в отмену указанной инструкции (Цирк. НКЮ № 53), Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем подведомственным органам принять к руководству и исполнению следующую инструкцию.

Инструкция о порядке оплаты проезда по железным дорогам и водным путям лиц, вызываемых к следствию и суду.

1. Обвиняемым, свидетелям и экспертам, вызываемым по уголовным делам следственными и судебными органами, возмещается при их явке вызвавшим их органом денежная сумма на проезд по железным дорогам или по водному пути в оба конца.

2. Расходы, понесенные судом по оплате провозов обвиняемых, свидетелей и экспертов, подлежат взысканию с обвиняемого, если он будет осужден приговором суда.

3. По гражданским делам вызов свидетелей и экспертов, которые должны приехать по жел. дор. или водн. пути, производится лишь по вносу заинтересо-

ванной стороной платы за таковой проезд в оба конца.

4. Плата вносится в нарсеуд, разрешающий дело, и выдается свидетелям и экспертам при их явке в суд.

5. В случаях, когда свидетели или эксперты вызываются по инициативе суда или по взаимному ходатайству сторон, плата за проезд вносится обоими сторонами поровну.

6. Плата свидетелям и экспертам по делам о взыскании заработной платы и средств на содержание, а также причитающаяся с лиц, признанных судом неимеющими средств к оплате пошлин (декрет ВЦИК от 2/П-1922 г.), уплачивается порядком, указанным в п. 1 настоящей инструкции, причем эти расходы зачисляются в сумму судебных издержек, подлежащих взысканию в порядке ст. 100 Положения о Нарсеуде (декрет ВЦИК от 2 февраля 1922 г.).

Народный Комиссар Юстиции **Курский**.

3 марта 1922 г.

Циркуляр № 20.

Всем Отделам Юстиции.

Декретом Совета Народных Комиссаров от 22-го июля 1921 г. (С. У. 1921 г. № 57, ст. 359) установлено взимание промыслового натурального сбора с предприятий мукомольной и крупяной промышленности, как ненационализированных, так и национализированных, по сдаваемых в аренду кооперативам, промышленным артелям и частным лицам. Этот сбор взимается из расчета двух фунтов с пуда средней годовой производительности предприятия и вносится в соответствующие заготконторы.

• Означенный сбор должен был составить весьма заметную часть продовольственных ресурсов страны. Между тем, по сведениям Наркомпрода погашение сбора не соответствует тому значению, какое он имеет в продовольственном снабжении государства. Несвоевременное внесение сбора, а также отказ от его внесения являются преступлениями пред рабоче-крестьянской республикой, равными невыполнению продналога.

А посему Народный Комиссариат Юстиции предлагает:

Все дела о неуплате промыслового натурального сбора рассматривать в особых сессиях нарсеуда при губсовнарсеудах и убуестах применительно к правилам, установленным инструкцией СНК от 3-го октября 1921 г. (Собр. Узак. 1921 г. № 70, ст. 557) без организации для этого выездных сессий.

Эти дела подлежат впредь рассмотрению вне всякой очереди и в виде меры репрессии по ним применяются, главным образом, имущественные взыскания. При чем, наказание по общему правилу не освобождает от уплаты сбора, который подлежит взысканию в общем порядке.

Приговоры в части имущественных взысканий приводятся в исполнение немедленно в виде меры обеспечения.

Дела о наиболее серьезных случаях неплательщика промыслового натурального сбора направляются в ревтрибуналы.

Народный Комиссар Юстиции **Курский**.

3 марта 1922 года.

Циркулярно.

**Всем губернским комиссиям
по договорным амнистиям.**

В целях скорейшего окончания работ по проведению амнистии и точного установления числа лиц, причисляющих себя к иностранным гражданам и подпадающих под действие соответствующих статей международных договоров, заключенных РСФСР, междуведомственная комиссия по договорной амнистии при ВЦИК предлагает в экстренном порядке составить списки граждан, причисляющих себя к иностранцам и содержащихся в местах заключения, в том числе в концентрационных лагерях, с указанием:

- 1) Фамилии, имени и отчества.
- 2) Совершенного преступления.
- 3) Времени совершения.
- 4) Кем осужден и за кем числится.
- 5) Срока наказания.
- 6) Социального положения или профессии.
- 7) Бывш. звания и места рождения (губерния, город, уезд).
- 8) Документов, устанавливающих иностранное гражданство.

Списки должны быть составлены по национальностям с подразделением содержащихся в местах заключения иностранных граждан на две категории:

- 1) совершивших преступление до заключения мирного договора или ратификации такового и
- 2) после заключения или ратификации договора.

Таковыми сроками являются в отношении причисляющих себя к гражданам: астонским до 2-го февраля 1920 года,

литовским — 14-го октября 1920 года,
финляндским — 14-го октября 1920 года,
латвийским, совершившим политические преступления — 11-го августа 1920 года,
совершившим уголовные преступления — 4-го октября 1920 года,
к польским гражданам до 30-го апреля 1921 года.

Губернская комиссия по договорной амнистии в отношении каждого лица, помещаемого ею в вышеуказанный список, выносит свое постановление, руководствуясь инструкцией межкома, изданной в мае 1921 года, при чем о всех случаях, когда преступления совершены гражданами, причисляющими себя к иностранцам, после указанных сроков подписания или ратификации мирного договора, губернская комиссия дает свое заключение о ценности, которую представляет данное лицо при обмене (принадлежность к буржуазии, буржуазной интеллигенции, совершение тяжкого преступления, крупной спекуляции и т. д.).

Междуведомственная комиссия по договорной амнистии при ВЦИК предлагает немедленно обсудить настоящий циркуляр в губернской комиссии совместно с завгуботом (где последний непосредственно не входит в ее состав), ГИТО и подотделом принудработ, приняв энергичные меры к срочному его исполнению, и направить списки, снабженные по каждому случаю постановлением и заключением губкомиссии, в Наркомюст по междуведомственной комиссии.

Циркуляр этот разослан губернским комиссиям в феврале с. г. и подлежит исполнению не позднее чем к 1 апреля с. г.

Предмежкома член коллегии НКЮ

Черлюнчакевич.

Открыта подписка на

„Еженедельник Советской Юстиции“.

Условия подписки с 1-го марта:

В золотой валюте, исчисляемой в советских знаках по текущему курсу золотого рубля, объявляемому ежемесячно Наркомфином (на март 1 руб. = 200,000 руб.).

на 3 месяца в Москве без доставки 90 коп.

„ „ „ „ „ с доставкой 1 руб.

„ „ „ „ провинции „ „ 1 „

Подписка принимается в Главной Конторе изданий Наркомюста. Адрес: Москва, Рождественка, д. 9.

На складе Издательства имеются комплекты „Собрания Узаконений“ за прошедшие годы: 1917, 1918, 1919, 1920 и 1921 г. г.